

Тропа, петляя меж вековых кедров и замшелых лиственниц, бежала с хребта в распадок. Вот и старый останец, вот и... зимовье?! Откуда?!

Никогда никаких зимовий здесь и близко не стояло. Да такое древнее?! Почти на два венца утопленное в землю, с маленьким, в две ладошки, то ли окном, то ли бойницей.

Путник, покачивая головой, обошел зимовье по кругу. Входная дверь едва держалась на ременных петлях, полусгнившая крыша колосилась травой.

Потянув на себя вяло скрипнувшую дверь, пригнувшись в низком дверном проеме, мужик вошел внутрь...

1

В большом деревянном блюде, поставив его прямо на пол, подали бухэлеэр — крупно нарезанные куски мяса на костях. Рядом положили сваренную целиком баранью голову — тоoley. Ее вылупленные голубые глаза без век таращились на гостя и хозяев.

Елену Владимировну невольно передернуло. Стараясь непринужденно улыбаться, она склонилась к плечу Константина и тихо, одними губами, спросила: «Это нам нужно будет съесть?»

Так же тихо, с легкой усмешкой, Шелехов ответил: «Если тебя признают главным гостем — тебе и есть ее. Хотя тоoley главе рода полагается — так что можешь выдохнуть и не волноваться. Или ты и есть глава этого рода?!»

Елена шутку оценила и незаметно для всех больно поддела Константина острым локотком под ребра. Удар получился смачным — у Константина на глазах выступила влага.

К мясу подали хурууд — сушеный прессованный творог — хлеб скотоводов.

Гости и хозяева расселись на войлочные коврики. Перед гостями поставили маленькие скамеечки — вместо стола. Раздали фарфоровые пиалы с водкой.

Глава гостеприимного рода Цырен, старый, с темным, выдубленным степными ветрами лицом, побурханил: обмакнув безымянный палец в водку, стряхнул капли на четыре стороны света, затем отлил немного водки из пиалы на пол. Выпил.

— Хорошая дорога ваша будет. Духи приняли дар. Водка — белая пища. Богатая пища. Духи очень любят белую пищу.

И, подавая пример всем присутствующим, первым приступил к трапезе: острым ножом ловко обрезал губы с бараньей головы и принялся их с наслаждением поедать.

Елена Владимировна зажмурила глаза и отпила немного водки из своей пиалы.

Баирма, младшая дочь Цырена, на минутку выскочила из юрты и принесла к столу домашние колбасы: кровяную — шухан, печеночную — хиима и очень сочную жирную — хошхоног.

Для Елены Владимировны колбасы были спасением, потому как притронуться к большим, не рубленным, а просто разделанным по суставам огромным кускам вареного мяса у нее не хватало духу...

Ужин затянулся надолго. И Цырен, и все его соплеменники благодарили пожарных за спасение их угодий, а по большому счету, и за спасение жизни всему роду. Ребята-пожарные смущались и отшучивались, но хозяева шуток не принимали. Они очень хорошо знали, что такое лесной пожар, и что такое пожар в степи. Огонь в очаге — это жизнь, а пожар в степи или тайге — это смерть.

Старый Цырен и есть успевал вкусно, и благодарить, и нахваливать гостей. Беспреданно качая головой и обращаясь сразу ко всем сидящим за столом, говорил: «Кедрач спасли — тоже хорошо. Пожар в степь не пустили — тоже хорошо. Никогда не видел, чтобы один огонь пожирал другой. Ты, Шелехов, шибко умный батыр. Заставил один огонь с другим драться. Как называется?»

— Встречный пал. Когда один огонь впереди другого все съест, даже кислорода не оставит другому, кидаются они друг на друга, а сил-то и нет. Все. Только дым остается. Понимаешь?

— Почему не понимаешь? — понимаешь. Хитрый ты, Шелехов. Баирму, дочку красавицу мою, в жены возьми, у меня внуки тоже хитрые будут.

Костя поперхнулся куском мяса. Ребята-пожарные произвольно хохотнули. Елена Владимировна ладошкой (с легким злорадством) постучала ему по спине. Красный от напряжения и от смущения Шелехов буркнул:

— Женат я.

— Ладно, не женись. Так с Баирмой живи. Пошто нельзя? Мне внук нужен. От тебя хороший внук будет. Пошто не хочешь? Больной, что ли?

Костя уже не понимал, где Цырен шутит, где серьезно говорит. Да, слышал он (а кто в Сибири не слышал?), чтобы свежую кровь роду дать, родичи молодых дочерей приезжим подкладывали, но чтобы самому в такую историю влипнуть?!

А захмелевший Цырен, чуть улыбаясь раскосыми глазами, словно и не замечал смятения Шелехова:

— Я внука Коськой назову, как тебя. В интернат учиться отправлю. Умным вернется. Ваш вертолет завтра только прилетит. Иди, спи с Баирмой, успеешь.

Баирма вместе со всеми женщинами рода сидела слева от отца — на женской половине юрты. И видно было — слова отца ее сильно задевали. Щеки ее горели алым огнем, а в огромных глазах набухла влага. Опустив глаза долу, она ни разу их не подняла на гостей.

Пока управлялись с мясом и водкой, жена Цырена в большом, просто огромном, медном чайнике сварила чай. Чай получился густой, заправленный молоком, маслом и солью. Его пили не спеша, время от времени утирая выступающий на лбу пот рукавами.

Елена под чаек попыталась сбить тему:

— Цырен Доржиевич, тут недалеко от вашей юрты зимовье старое, на Чикое, у входа в Медвежью падь. Я его видела, когда десантировались. Еще удивилась — на наших картах нет его. Чье оно?

Простой вопрос вызвал замешательство среди местных. Забыв русский язык, они горячо и в то же время недоуменно принялись что-то обсуждать. Цырен взволнованно расспрашивал поочередно каждого своего сородича, но те лишь пожимали плечами и, размахивая руками, отрицательно качали головами. Лица у всех участвующих в разговоре были встревоженные.

Пожарные в этой неожиданно поднявшейся суматохе поняли только одно: что-то не так с этим зимовьем.

Наговорившись, старик обернулся к Елене:

— Не наше зимовье. Чужое. Нехорошее. Смотреть будем. Завтра скажу.

2

Она панически боялась наступающей ночи. Боялась одиночества. Боялась темноты и тишины. Боялась, что тонкая полоска света, что пробивалась через неплотно запертую дверь, исчезнет и тогда, как и каждую ночь, в ее душу снова ворвется боль.

Когда ее обступала темнота — приходили пожары. Горел лес, горела трава, горели люди. Огнем и дымом наполнялась ее маленькая комната. Горели стены, пол, занавески на окнах, одежда на вешалках. Огонь был повсюду, и не было от него спасения. Она металась среди языков пламени, задыхалась от дыма и копоти и кричала, кричала, кричала...

Кричала неслышно, кричала внутри себя, кричала, зажав до крови ладонью рот. Кричала, разрывая сердце и аорту.

Включала свет — пожар уходил. И Анна долго, до первой розовой полоски зари за окном, сидела, обхватив колени руками, забившись в угол кровати...

Она не знала, откуда и зачем в ее памяти эти пожары. И кто те люди, что сгорали на ее глазах? Она только смутно понимала, что знает, знала этих людей, что это не выдумки ее больного мозга, но ничего, кроме огня, Анна не помнила. Да и Анной ли она была?..

Анной ее назвал лесничий Егоршин, когда много лет назад нашел ее на болотах. Нельзя же человека все время звать: «Эй, ты...», тем более женщину. Более того — молодую женщину. Когда жена Егоршина отмывла найденку в бане, да повыдирала всех клещей из ее тела, да раны и ожоги мазями обработала, да причесала, да обрядила в новые одежды — женщина оказалась очень даже милостивой. Вот только волосы — волосы были седые...

Егоршин долго выспрашивал, как ее зовут, называл множество имен, все, что помнил, — смотрел пристально в глаза, ждал ответной реакции. Но женщина ни на имена, ни на расспросы не реагировала. Ни малейшим движением. Глаза ее были пусты. Почти всегда. Единственная реакция — ужас в глазах, когда она видела открытый огонь. Помучившись, Егоршин назвал ее Анной — именем рано ушедшей из жизни своей сестры. Жена ему не перечила, сестра — так сестра.

Розыски через милицию хоть какой-нибудь информации о молодой женщине, найденной на болотах, ни к чему не привели. Отдавать же Анну в казенные учреждения Егоршин не стал. Попыткам органов забрать ее у него категорически воспротивился — не дело человеку в здравом уме жизнь свою коротать в сумасшедшем доме или еще в какой богадельне.

А самой надоедливой и озабоченной чиновнице из собеса объявил, что, если та еще раз на кордоне объявится, безопасности он ей не гарантирует. И может случиться так, что больше никогда и никто ее, начальницу эту, на белом свете не увидит — болота и не такие еще тайны хранят.

Больше лесничего по поводу Анны никто не тревожил...

Оно и верно: зачем органам лишние проблемы?

3

Вертолет утром не прилетел. Не прилетел и на следующий день.

Шквалистый ветер и дождь. Низкие тучи тянулись вдоль перевала и сыпали, сыпали, сыпали дождями. Этим бы дождям да две недели назад, когда тайга по-лыхала...

Ребята отсыпались в своей палатке за недельный недосып. Не лежалось и не сиделось только молодому парашютисту Ивану Усольцеву — Ванечке, как называла его Елена Владимировна.

Словно нитка за иголкой, ходил он по стойбищу за младшей дочерью Цырена — Баирмой. Приглянулась ему черноглазая. Куда она — туда и он. То флягу с водой ей поможет поднести, то шкуры с нею перетряхивает, то дрова с нею носит. Видно было со стороны, что и Баирме он нравится.

Уединяясь время от времени под навесом, они тихонько, со смешками, слегка соприкасаясь головами, о чем-то негромко перешептывались. Хотя говорил-то больше Иван, Баирма только коротко и с улыбкой отвечала.

Елену Владимировну Цырен приютил в своей юрте: «Зачем тебе на холоде, в палатке? В юрте места много, рядом с моей старухой спать будешь».

Елена и не упиралась. По такой промозглой погоде хотелось тепла и уюта. И спать, спать, спать...

К обеду вернулся из Медвежьей пади Доржи, сын Цырена. Оказывается, старик еще поутру его туда отправил. Зимовье посмотреть.

После разговора с ним Цырен позвал к себе Шелехова. И что-то долго ему толковывал.

А уж после Шелехов собрал у себя в палатке всю свою группу. Цырен тоже пришел.

— Такое дело, мужики, Цырен Доржиевич сказку... — старый бурят вскинул голову, Шелехов извиняющее выставил руку: — Извините, легенду, был ли сейчас рассказал. Я коротко. Раз примерно в три года неожиданно появляется в тайге зимовье, которого до этого никто никогда там отродясь не видел. Обычное старое зимовье. И стоит до тех пор, пока кто-нибудь в него не зайдет. Зимовье тут же вспыхивает и пропадает. Вместе с тем, кто в него вошел. Иногда только шепотку золы на этом месте находят — больше ничего. Буряты это зимовье огненным называют или кровавым. Я вам без деталей обсказываю, а то долго получится. Короче, Цырен сказал: зимовье, что у Медвежьей пади объявилось, — огненное зимовье и есть. Но не это главное — это зимовье нас ждет. Потому как мы, то есть Елена Владимировна, первой его увидела. Зимовье на ее пути встало, да видимо... — Шелехов засмеялся: — Видимо, в древних инструкциях не предусмотрено было, что тропы и по небесам могут пролегать. Парашют позже придуман был.

Пожарные кто улыбнулся, кто и рассмеялся. Подождет старое...

Цырен осуждающе покачал головой:

— Ты, Шелехов, не хитрый, ты — глупый. Не надо мне внука от такого глупого человека. Почему не понимаешь? Почему смеешься? Сегодня ты по небу его обошел, завтра оно все равно на твоем пути встанет. Оно выбрало вас. Оно на охоту вышло. Вы у него пищу — огонь — отнимаете. Собирайтесь, пойдём в тайгу, хозяина тайги, духов просить будем. Помогать просить будем.

Собрались быстро. На базе оставили только дежурного Усольцева. Чему тот был несказанно рад.

Каждого Цырен заставил найти в своем снаряжении что-нибудь белое или красное и оторвать от найденного тонкие ленточки, да чтобы ленточек было столько, сколько всего членов семьи у каждого из идущего говорить с духами...

Шли долго. Мешал дождь и раскисшая после дождя таежная подстилка. Наконец вышли на открытую поляну. Посреди поляны стояло одинокое дерево с причудливо изогнутым стволом и странно вывернутыми ветвями. Издали дерево напоминало огромную арфу. И все струны-ветки этого дерева были увешаны бело-красными ленточками.

— Ээтэй модон, — сказал старый Цырен, указывая на дерево. — Дерево с «хозяином». Дух леса в этом дереве живет. Сначала дух шаманом был, потом духом леса стал. Не любит, когда громко говорят и без подарков к нему приходят. Вешайте на его ветви подарки и просите защиты от огненного зимовья. Если подарки ему понравятся — он вам об этом скажет.

Сам же, вынув из-за отворота халата водку, побурхнул. А потом долго о чем-то просил духов. Пожарные, повязав загодя заготовленные ленточки на ветки священного дерева, глядя на усердие Цырена, невольно тоже начали мысленно говорить с духом леса — кто его знает, вдруг во всем этом есть что-то рациональное?

Минут через двадцать небо над поляной вдруг расчистилось, проглянула синева. Легкий ветерок шевельнул ветви дерева. Затрепетавшие разом ленточки потянулись к пожарным. И тут же опали. Ветер стих.

Цырен разогнул уставшую от поклона спину:

— Дух принял ваши подарки. У вас не будет огненной смерти. Огненное зимовье — не ваш дом. А чей, время покажет...

4

После прошлогодней эпопеи по поиску и ремонту медицинского вертолета, упавшего на старую гать в районе Выселок, лесничий Егоршин Сергей Сергеевич не то чтобы сдружился с эмчезовским полковником Шелеховым — тем, что хорошеводил штабом по эвакуации вертолета, но проникся к нему искренней симпатией. Что-то настоящее, жесткое, но не жестокое, что-то истинно мужицкое было в этом сухощавом седом человеке. Да и тот оценил несуетную основательность лесничего. Общее серьезное дело всегда сближает людей. Вот и эти, битые-перебитые жизнью мужики, быстро нашли общий язык. Не сказать, чтобы уж часто общались, но при первой же возможности слали друг другу приветы, а то и небольшие посылочки. Да и перезванивались изредка. Егоршин все на охоту Шелехова приглашал, тот обещал время выбрать. Не обманул — выбрал.

В первых числах сентября на кордоне и объявился. Попутным вертолетом. Сказал, недельку в счет отпуска у руководства отвоевал.

Понятное дело, приезд отметили. Без перебора, но по-русски основательно.

Утром следующего дня сходили на Потаенное озеро, уток постреляли. Удачно. К обеду уж на кордоне были. Зоя, жена Егоршина, быстро ощипала тех уток да и в

угли их отправила запекаться. Пока утки запекались, мужики в баньке попарились. Можжевельновыми вениками похлестались. Не день получился — песня.

Сидели разомлевшие мужики под навесом у летней кухоньки, слегка принимали на грудь да за жизнь разговоры разговаривали.

Семейные дела обсудили, по политике, как в русском застолье водится, про- шлись (тут без матерка не обошлось — о политике да без мата?!), о работе парой слов перекинулись.

— Сергей Сергеич, а что за женщина там вон у тебя лосят кормит?

— В загоне?

— Да-да, вон та, за оградой.

— Сестра.

— Сестра? Так ты говорил, вроде как померла твоя сестра? Или это другая?

— Другая. Тебе-то, Костя, что за дело?

Полковник пожал плечами:

— Да нет никакого дела, просто я еще с прошлого года ее у тебя заприметил, когда вертолет из болота доставали, да не до расспросов тогда было. Что-то уж больно знакомой она мне кажется. Может, видел где...

— За всю жизнь не скажу, а последние лет двадцать ты ее точно видеть не мог.

При мне она эти годы живет. Безвыездно.

— Что так — безвыездно? Болеет?

— Да.

— Что-то ты, Сергеич, не больно разговорчив стал. Или тема не в кон?

— Не в кон. Хотя... — Егоршин внимательно посмотрел на полковника: — Знакомой, говоришь, кажется?

— Ну-у, точно не скажу, но что-то в ней есть такое, неуловимое, но очень знакомое. Движения ее, что ли? Вон, видишь, платок поправила? Точно, точно тебе говорю: знаком мне этот жест. Кого-то она мне напоминает. Кого вот только...

— Найденка это. Почитай двадцать лет тому на болотах я ее нашел. Как раз тоже по сентябрю. Оборванная, грязная, в копоти, почти не говорила, так за все время и не дознались мы — кто она, откуда...

Лесничий еще раз внимательно посмотрел на Константина, потом обернулся и помахал Анне рукой: «Аня, слышь, Ань, поди-ка сюда — дело есть».

Анна, вытерев руки о потрепанное полотенецко, поправила сбившийся платок и подошла к столу.

— Слушай, Ань, тут такое дело. Костя вот говорит, что знакомец он твой старый. Правда? — подзывая Анну, Егоршин ни на что особо не рассчитывал — сколько уж он за эти годы и чего только не испробовал, чтобы найти хоть кого-то, кто бы опознал эту женщину...

— Ле-е-е-на-а-а?! — полковник вскочил из-за стола, схватил Анну за плечи: — Елена Владимировна?! Не может быть! Лена, посмотри на меня, посмотри! Это же я, я — Костя! Костик! — Константин тряс женщину за плечи, то отстраняя ее от себя, то обнимая: — Лена, Леночка, Елена Владимировна, как же, как же так-то?! Где ты была?! Столько лет, столько лет! Мы же всю тайгу тогда облазили, все болота прошерстили. Как же так-то, как же...

Женщина подняла глаза. Взгляд ее заметался по лицу Шелехова.

Внезапно лицо Анны исказилось, во взгляде мелькнула тень узнавания:

— Ко-о-остя?! Костя-я... — глаза ее закатились, тело обвисло на руках полковника.

Подскочил Егоршин:

— Что с ней?!

— Обморок, может? Воды дай, нашатыря! Что там у тебя есть — давай! Да не стой столбом! Давай быстрее!

Вышедшая на шум жена лесничего быстрее мужиков оценила ситуацию, на минуту заскочила обратно в дом и вот уже ваткой, смоченной нашатырным спиртом, водила у носа Анны.

Пришедшую в себя женщину сопроводили в дом и уложили на кровать. Она и не сопротивлялась. Только не отпускала ни на секунду руку Шелехова. И все повторяла: «Костя, Костя...»

Едва коснувшись головой подушки — заснула.

И первый раз за последние двадцать лет ей не снился огонь. Ей вообще ничего не снилось. Она просто спала.

У ее кровати на старом табурете сидел полковник.

— Кто она? — шепотом спросил лесничий.

— Наш инструктор по парашютной подготовке. Никольская Елена Владимировна, — так же шепотом ответил Шелехов.

— И как же вы ее потеряли-то?

— В соседней области пожары тушили. Людей не хватало. Она часто с ребятами летала на задание. Это входило в ее обязанности, ну, что-то вроде контроля и испытания новых методов десантирования пожарных.

А тогда и молодых пожарных много было, только-только осваивавших парашюты, вот и не могла она их без присмотра оставить. Курсанты ее звали «мама Лена». И летала она с ними в самое пекло. А у самой дома шестилетний пацан. Мы в тот год разными с ней группами десантировались — пожаров много было. У нашей группы все нормально прошло. А их группа погибла. Вся. Все шестеро. Только вот трупов на месте пожара пять нашли.

— А что мужик ее? Просто так и отпустил?

— Сашка, муж ее, за два года до пропажи Лены погиб. Он был чемпионом Европы по парашютному спорту. На тренировке парашют не раскрылся...

— Слушай, так до той области, до тех пожаров отсюда километров пятьсот будет...

— Ну...

— Что «ну»? Она в конце июня пропала. А ты ее в середине сентября нашел. Так она что, все это по тайге да болотам прошла?!

— Прошла. Я тогда вообще за зверушку ее принял. На ней же практически ничего не было, так, одни лохмотья. Да и странный нож еще...

— Что за нож?

— Вон, верхний ящик тумбочки открой, сверху лежит.

— А-а, это стропорез. Специальный десантный нож. Если что-то с парашютом — быстро стропы можно обрезать...

Подошедшая жена лесничего отогнала мужиков от кровати Анны:

— Пошли, пошли отсюда, пусть человек отдохнет...

— Ну, как ты? Выспалась?

— Спасибо, хорошо. Я уже и забывать стала, как это — спать. Костя, это правда ты?

— Не волнуйся — это я. И никуда я не денусь. И ты уже никуда не денешься. И все-все теперь хорошо.

— А... ребята?

— Из той твоей группы только вот ты...

— Я знаю. Теперь знаю. Теперь помню...

— Ничего нельзя было сделать?

— Ветер.

— Что ветер?

— Ветер резко усилился и поменял направление. Очень резко. Почти мгновенно. Огонь вверх рванул. Деревья вспыхивали, как спички, снизу вверх, снизу вверх, только и слышно было: пурх! пурх! пурх! И — искры! Мириады искр! Пожар ушел наверх, стал верховым. Ребята в глубине пожара оказались. Не успели среагировать. Горело все — даже воздух, огонь просто прыгал на десятки метров вперед. Все-все горело! И ребята горели. На Ванечку Усольцева дерево упало... Я видела...

— А ты?..

— Я у болота была — воду в ранец набрала и к ним шла. Метров сорок не дошла до кромки пожара — тут все и произошло...

— А потом?..

— Не помню. Кричала, бежала — сначала к пожару, потом от пожара. Горело все, огонь кругом, опять бежала куда-то, потом шла, шла, шла... Не помню...

— У Вани той осенью сын родился. Баирма Иваном назвала. Иван Иванович Усольцев. Старый Цырен очень рад был...

— У Ванечки?! Господи, радость-то какая! Ему же всего двадцать четыре было. Самый молодой из нас...

— Ну, тебя тогда тоже в старухи трудно было записать...

— Глупый ты, Костик. Когда женщине двадцать шесть и у нее шестилетний ребенок — какая ж она молодая?! Старуха она и есть старуха.

— Послушай, а почему Ваня на пожаре погиб — ведь лесной дух принял наши подарки? Помнишь, Цырен сказал: «Не будет у вас огненной смерти, огненное зимовье не ваш дом...»

— Ваня же тогда к дереву не ходил. Он дежурным по базе оставался. Он сам попросился, чтобы лишнюю минуту с Баирмой побыть...

— Ну да, никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Значит, догнало его огненное зимовье...

Константин, покачивая головой, с минуту помолчал, словно поминая Ивана...

— Лен, а что ж ты о сыне, о Федьке, не спрашиваешь?

— Боюсь...

— Не бойся. Все хорошо. Пока ты спала, я с базой связался, часа через полтора вертолет будет. Умывайся, причепуривайся — Федя к тебе летит...

— Ты сказал — и полетели?!

Шелехов, глядя на растерянную женщину, рассмеялся:

— Ты очень долго спала, Лена, я теперь бо-о-ольшой начальник. Сказал — и полетели...

Вертолет они услышали издали. И когда тот, низко набычив кабину и грохоча на всю округу винтами, выплыл над верхушками сосен, они уже стояли на посадочной площадке. Полковник — в форме, Елена Владимировна в новом платье в крупный белый горошек (платье ради такого случая ей одолжила Зоя Егоршина). Зоя и Сергей Сергеевич стояли чуть поодаль.

Елена Владимировна, не отрываясь, смотрела на приближающуюся махину МИ-8-го. Не придерживай ее Шелехов, она бы уже бежала навстречу вертолету.

Сминая воздушной волной траву и сдергивая с ближайших деревьев листья, вертолет опустился на поляну. Он еще слегка покачивался на колесах шасси, и пилот не выключил двигатель, но уже кто-то изнутри открыл дверь пассажирского салона. Лопаста вертолета резали воздух над поляной, а по выставленной лесенке из вертолета выскочил высоченный — под метр девяносто — капитан МЧС. На темно-синем кителе с шевронами длинная двухрядная планка наградных колодок. В правой руке огромный букет цветов. Придерживая фуражку с высокой тульей, капитан побежал к встречающим.

Шелехов отпустил руку Елены Владимировны. Та, на секунду обернулась к нему, как бы спрашивая — он?! Константин кивнул: он.

Женщина сделала несколько шагов навстречу капитану, но ноги не держали ее, и она опустилась на траву.

«Ма-а-а-ма!!!»

Бежал по лугу шестилетний мальчик...

